

ПРОШЛЫМ летом я проплыл по Енисею от Красноярска до Диксона. Поездка на комфортабельном туристском корабле дивная, однако совершенно бездельная, и это не для меня. Но если нет дела ногам и рукам, глаза-то видят, ухо слышит, память работает!

И сзело, и грустно было у меня на душе.

Первый раз в северную сторону я плыл на пароходе «Ян Рудзутак», который и до того, и после переименовывался не раз, дни свои окончил под именем «Мария Ульянова». Говорят, что какую-то часть пути по Енисею в проклятую царскую ссылку Ленин проделал на этом пароходе, в отдельной каюте, на корабельной койке с простынями. В годы великих строек на этом же судне, как свидетельствуют бывшие многочисленные советские невольники, и в частности старейший наш писатель Олег Волков, — «человеческий материал», в том числе и политзаключенных, возили уже насыпью в железных трюмах, пропахших соленой рыбой, и, случалось, трусливый конвой до самой далекой Дудинки, расположенной на высоком и воистину «диком берегу», не выпускал подконвойных на воздух — круг замкнулся, но «Ульяновы» везли нас в разные стороны.

В ту пору «Ян Рудзутак» отапливался дровами, и был он весьма прожорлив: сутки шел, полторы забивался дровами, так что времени полюбоваться природой и ознакомиться с жизнью северной стороны было вдоволь.

Увы, тогда в середине тридцатых годов северные енисейские земли выглядели более обжитой и возбужденно, нежели нынче. А вот горевать об этом или радоваться этому — я не знаю.

В последние годы, во времена величайших парадоксов или катаклизмов — одно из любимых ныне обиходных словечек — порой уже черное выглядит белым, безнравственное нравственным и наоборот. Не раз и не два за рубежом показывали мне магазины и музеи, забытые нашими духовными ценностями. В Вашингтонской картинной галерее директора крупнейшего нашего достославнейшего музея показывала мне целые залы, заполненные бесценными русскими иконами, картинами, прикладными видами искусств и, горюя, заключила: «Плакать бы надо, а я хоть и не радуюсь, но мирюсь с этим — здесь все это бесценное добро сохранилось для человечества, а у нас? Вы бы взглянули в наши запасы...»

Вот и я, глядя на пустынные енисейские берега, на взлобьи в устье звонких рек, украшенные завалившимися скелетами изб, заросших бурьяном, поражаюсь еще раз тому, как умело, можно сказать, роскошно ставились российскими переселенцами села и станицы по Сибири. Мало им большой реки, непременно еще и устье речки, а то и двух, шедших бурным устьем надменных воды Енисея отщипут, засеяются обязательно напротив островов с буйными выпасами, кабытки по берегу ягодинок, с песчаными и галечными приверхами и осередками для нагула рыбы, а за оклицей села кодрачи и боры, набитые орехом, ягодой, грибами, диким мясом и пушиной. Отчего, почему ушли с этих изобильно-сказочных мест в ад современных городов наши поселения? Читайте газеты и книги «деревенщиков»-писателей — там есть ответ.

Однако ж не бывает худа без добра да и добра без худа. Может, хоть таким вот, как всегда у нас, очень хитрым и сложным манером мы сохраним для потомков часть пашенной земли, тайги, тундры, реки, озера?

Не скрою, такие мысли приходили ко мне и в пустыне Гоби, роскошно, по-всесеннему цветущей в сентябре, в безгололосевшем, погасшем Северо-Западе России. В Эвенкии, простершейся от Енисея до Лены, и вот на родном Енисее, на всем почти трехтысячекилометровом его пространстве, от Монголии до Диксона. Что делать, если мы сами под себя гадим и скорее убегаем с загрязненного места. Коба, как сказал Хольман фон Дитмар на Варшавском конгрессе сторонников мира: «Если б кто-то из космоса посетил нас, нам бы с трудом пришлось убедить пришельца в том, что чело-

вечество еще не совсем спятило...»

Но это говорилось десять лет назад, и за это время человечество весьма и весьма преуспело в продвижении в сторону сумасшествия. Думаю, что в движении сем, не делаящем чести существу под названием ЧЕЛОВЕК, мы, жители Великой, в ужесточении впавшей державы по масштабам разрушения природы и самих себя занимаем отнюдь не почетное первое место, идем в авангарде, так сказать, движения к краху и полному банкротству.

Но чуден, все еще чуден Енисей летней порою! Есть по его течению места, когда сотни километра, словно на фантастической киноленте, сменяются виды один прекраснее другого: вот версту-другую, забредя в реку по груди, стоят могучие утесы, быками их здесь зовут, по утесам где гривы леса, где отдельная сосенка, частью корневой, а то и сдвинут корнем уцепившаяся за родной камень, и по каждой протокине, по каждому распадку ворохи кустиков акаций, жимолости, таволжники; по всем утесам кинется цве-

твари стравили промышленные-то сибирские леса ретивые хозяева лесов и недр. Леса русские большей частью уже существуют только на старых картах и в отчетных бумагах наших доблестных руководителей страны и не менее доблестных лесопромышленников, ведущих нас все быстрее и быстрее... — вот чуть не написал привычное — «в светлое будущее», — да уже устала рука это писать, а глаз — читать.

Не раз и не два думалось: вот ежели бы всю древесину, брошенную и погубленную только по берегам Енисея, обратить в денежные купюры, мы бы, как в траве, по полю в сотенных купюрах до самого Карского моря брели, в тех еще, не обесцененных и не хитро обмененных сотенных. Кстати, и в Карском море, в проливе ледоколы часто пробивают путь не во льдах, а в бревнах. И грех вроде бы так думать, но все же и хорошо, и ладно, что ушли с берегов-то, побросали дома — современные насельники, лишнее не срубят, окончательно тайгу недопалат, рыбу аммоналом не

ченными таким ярким буйством, что глаз от него не оторвешь. Все-все, что происходило и происходит со здешней землей, весь ее путь к жизни, борьба за жизнь, очень нелегкая, читаешь сверху будто по ученическому букварю. Лесок по берегам рек и в ближайшем отдалении скобочен, полуобдран, полусух, сосенки сплошь тохонькие, покрытые по стволам серыми лишайниками, еще в детстве впавшие в старушечий возраст, веток на них больше голых, чем с хвоею. Но они, эти старухи подросткового вида, стоят и веками несут нужную земле службу, укрепляют пески корешками, удерживают сыпучую почву, и, глядишь, меж ними возросли мхи, по мху ягодники, взнялась пышнотелая зеленая сосна, мятежно взнявшаяся надо всей мелкотой — царица здешних земель. Но и это диво еще не самое дивное. На песках сыпучих случается многоверстный бор из таких вот цариц. Просторно стоят чистые, жаровые сосны, одна другой пышнее, осанкистей. Их не много по Сыму, этаких вот достославных сосновых боров, как во

никто их не обороняет, а все только преобразуют, светлостью будущие сулят. Последнее время, правда, не сулят ни светлого будущего, ни продовольствия, ни школ, ни книг, ни табаку, ни пороку.

Удивились лесозаготовители, отступили. И тут как тут новые отряды строителей и покорителей, новые заботливые посланцы страны социализма — на этот раз разведчики недр. Они давно уж рыскают по Эвенкии и по прилегающим к ней окрестностям в поисках газа и нефти. Дело, видать, худо. Погублены огромные площади в Тюменской и Томской областях, истреблено, пролито, сожжено, продано — миллиарды тонн нефти и газа. Пропиты, прожраны, украдены миллиарды вырученные за браконьерски, преступно, хищнически выхваченные богатства из российских недр. Сладко во гробе спят вожди мирового пролетариата, радетели и благодетели наши: Хрущев, Брежнев и примыкающие к ним, горько наше похмелье, отлепись мы жизнерадостно: «идем все шире и свободней, растем

И судорожно, как всегда, ищутся методы спасения от прорух давних и как бы вновь непонятным образом накопившихся и нежданно на наши буйны голозы свалившихся. А они заложены в самой системе нашего хозяйствования: под них подведены научные основы, теоретические и практические выкладки сделаны, планы составлены, виды на всеобщее процветание нарисованы, высокие слов океан потрачено, хлопок изведен на лотно для лозунгов. Что же — так вот запросто взять и попустить всем этим багажом? Покаяться в банкротстве? Попросить у народа прощение и начать вместе с ним все сначала?

Нет уж! Дудки! Совсем это не в духе коммунистической морали. Она всегда дерзновенно наступательна!

Вот и отыскиваются привычно и ловко новые мифические виновники, прежде враги народа, ныне демократы, пресса и какие-то силы, на которые нам намекают, но не говорят про них, должно быть, испугать бояться, нервы и покой наш берегут радетели-отцы.

Енисейский район, на территории которого находится Сымский сельсовет, да и сам город Енисейск, — попали в очень крайнюю экономическую ситуацию. Возникший рядом, за рекою город Лесосибирск — прежнее название — Маклаково — корабало, видать, нежный слух преобразователей и покорителей Сибири народом данное историческое имя селения, они и подогнали его под привычное, стандартное. Есть уже в Красноярском крае, кроме Лесосибирска, Дивногорск, Сосновоборск, Снежногорск — экая удалая фантазия! Экий вкус! Экая эстетика! Так вот, Лесосибирск с железной дорогой, мощной лесопромышленной, не просто ушиб, но пришиб и без того впавший в запустение достославный город Енисейск, когда-то являвшийся центром Енисейской губернии.

Мало того, что в нем перестали существовать многие промышленные объекты, так обобрали город и в житейском смысле, взяли, например, и перевезли к соседям педагогический институт, который был тут не просто учебным заведением, но был временем учрежденной, к месту основанной научной организацией, духовным центром всего енисейского Севера, к которому, естественно, примыкали и исторический облик города с его, пусть и разрушенными храмами, монастырями, местами и домами, связанными с жизнью декабристов, промышленников, купечеством. В Лесосибирске же институт стал просто еще одним безликим пролетарским уч. заведением.

За последние десять — пятнадцать лет, несмотря на одностороннее преобразовательное движение, благодаря которому расцвела сажей, дымами, заражена радиацией и всяческой химической отравой моя родная сторона от дуром ломающейся в глубь Сибири тяжелой промышленности, в городе Енисейске сделано много для восстановления его исторического облика, да и быта горожан. Выглядевший будто после давнего, еще в гражданскую войну происшедшего массированного артиллерийского обстрела, пусть скромно, пусть бедновато, но город прибран, обихожен, хотя сделать здесь предостало еще очень и очень много. А где средства брать? Кто и чен платит будет? Коли «за красоту людей живущих, за красоту времен глядящих мы заплатили красотой», — как с пафосом сказал поэт, тоже, кстати, сибирский родом.

Вот и ищут руководители района возможности пополнить бюджет города и района. Купчихи-меценаты, толстосумы-золото-промышленники, что раздели о городе и чадах, его населяющих, благодаря революционному усердию перевелись, у других городов, в том числе и у краевого центра, свои заботы. И какие! Многие заботы края уж в пору бедами бы называть. Я это знаю, как давний, пусть и молчаливый, но зато внимательно слушающий депутат.

Районным властям вроде бы предоставлена самостоятельность, но очень напоминающая ту, когда ребенку, научившемуся ходить, родители говорят: «Иди!», а за пояс его — на всякий случай — держат; или, уча плавать, бросат в реку с наказом: «Выплывешь — хорошо, а не выплывешь...»

Заметки писателя

Известия — 1991 — 30 апр — с. 4.

С КАРАБИНОМ ПРОТИВ ПРОГРЕССА

Виктор АСТАФЬЕВ

тов примулы, жарков, лилий, орхидей, среди которых золотыми самородками светятся красодневы. Увидев эти красодневы в Колумбии, я, помнится, заорал от счастья, будто самое себе родное узрел, и всех заверял, что эти в желтый рупор кричащие цветы неведомым путем попали сюда из Сибири, и хотя меня заверяли, что, пожалуй, все было наоборот, я упорно не соглашался с вескими доводами и со всякой ботанической наукой.

Сразу же за обвальными, реку стеснившими скалами — сосновый бор, прямо и плавно к реке подступающий, либо луг, просторно, в наклон, расцвешенными волнами захлестнувший берег. Даже на Севере, в Заполярье, среди болотистой низменности, перебарываясь с каменного высокого берега к наволошному, низкому, Енисей не утомителен, не однообразен. Он здесь, в северной-то вольности более тих, добродушен, светел и приветлив, так и зовет он, манит взор заглянуть дальше, дальше, уплыть за край земли, за мерцающую кромку, где синими отводками светятся, но не сходятся берега, уходящие в небо, в просторы уже неземные.

И сколько бы ты ни плыл, ни ехал, в какую бы даль ни заглянул, меж камней и скал по оподолом берегов и лугов, по островам и косам валается лес, превращенный в древесину. Валилась та древесина в тридцатые годы, валается и нынче. Пассажиры и команды судов возмущаются, впадают в удрочение, ведь нет бумаги, не из чего делать мебель, на юге десятки тысяч домов ждут «деревянную фурнитуру», отплевываясь нечем. Но они, проплывающие-то, видят лишь «свежее», то есть древесину нынешнего поруба и сплава. Если же заглянуть за бровки берегов, в прибрежные заросли, в водяные оттоги, в старые русла, высыхающие летами, там вы обнаружите залежи леса многолетней давности. Тут да высокой весенней водой река стыдливо прячет грехи нашей родной лесопромышленности. И что интересно, там, в гнущем кипением «зажердь», в захлестнутых пыреем и дудочником низинах можно повстречать внакрест, многословно лежащие, уже догнивающие и только-только запревшие — сосну, ель, кедр в два-три обхвата объемом, а навстречу теплоходу, где и в обгон (попробуй, пойми логику и причудливость нашей экономической мысли!) прут на железных палубах тупорылые самоходки пустотелый, в кулак толщайной пихтач, осину, вот уже и беззачин потартали — по-выпластали, погноили, пожгли, шелкопряду и разной лесной

доглушат, мелкой сетью не выгребут, зверя не порешат, может, чего и ребятишкам останется. Мы их и без того уж так ограбили, обобрали, что жить им дальше совсем нечем становится, жрать нечего. Мы-то хоть за границу еще лесушко, пушину, ту же рыбку да нефть и газ загоним, а им-то чем спастись, чего продавать, чего менять? Свои мозги и рабочие руки? Или уж на колени становиться и милостыню Христа ради просить? Да они сплошь уже безбожники, ни во что не верят, в том числе не особо и надеются, что их от прогресса натерпевшиеся, в городах настрадавшиеся отцы и матери вернутся на сии берега поумневшими.

Поразбросавши добро, расторгавши ресурсы, потерявши себя по пути к мировому коммунизму, советский человек начал метаться, разыскивать сил небесных и чуда, и на хорошего царя надеяться, под шумок грабя ближних и потроша ближних ради сиюминутных благ. Хорошо бы, чтоб они, эти блага, с неба свалились. Да закоптили мы и запакостили небо, сквозя промышленный дым и душевный мрак ни божьего лика нам не видать, ни гласа небесного не слышать. В пустыне живем, в бездуховной, бескорной, безводной, а пустыню ту сами творим...

Осенью прошлого же года я попал в таежный уголок, который и для нашего, богатого, местами еще и роскошного края — редкость.

Есть в Сибири приток Енисея под названием Сым. Река эта начинается с Приобской низменности, в Енисей впадает между крупными селами Ярцево и Кривляк, а навстречу ей, от Енисея к Оби неторопливо течет братец Тым. На Тyme я не бывал, а на Сыме поосеневал уже дважды, и хотя удивить меня уже трудно, все же подивился причудам и фантазиям природы.

Сым то бурно в перекатах, то успокоенно, почти сонно в плесах, течет среди белых чистых песков. И все прилегающие к Сыму пространства состоят из этих вот песков и болот, образовавшихся по поймам иссякших рек и высохших озер. С вертолета очень хорошо видно, как тут трудно возникала и укреплялась жизнь. Леса, в основном сосновые, реденько стоят как бы во вскипевшей пене — это белые мхи, на сотни верст здесь покрывающие лесотундровые пространства. И лишь по берегам реки Сым, его притокам, по низинам старых русел и пойм, по сырым пластушкам бывших озер смешанно стоят, украшая землю, смешанные леса, охва-

скачной светлице, бело и чисто поотдолью убранных ковров расстилающегося мха, а по нему, по мху-то в середине лета будто насыпаны кем-то меж сосен белые грибы; к осени ближе — свадебным одеялом покрывается подножие сосен, алые боры задыхаются от зоревых ягодного жара.

Вся лесная жизнь, птица, зверек малый и большой — жмутся к бору, корнятся от него, им спасаются, люди строят, точнее, строили жилье из сосняка, рубили бани, стайки для скота, пилили доски.

Но вот и промышленники добрались до сих ранимых мест, начали валить здешние боры на экспортную продукцию. Понятно, нужна заставляла, острая потребность в первосортном лесу на Сым-то заготовителей загнала, в других, более доступных местах спелые леса сведены под корень, вредителям стравлены, сожжены, утоплены, брошены.

Во-он, под брюхом вертолета оголенная белая жила — это проложенная лесозаготовителями дорога. Извилист, неверен, крючкотворен и губителен этот путь: едут машиной, куда ехать нельзя, гребут, чего трогать природой возбранено. В нем, в этом пути, как на военной калке для стрельбы пушек на поражение, отчетливо прочерчена пагубная деятельность новоявленного, передового общества. Вперед, вперед, все вдаль и вдаль, в темь лесов, в болота, в гиблую трясину, хватая, гребя, шуруй кто во что горазд, потом разберемся, что к чему, а пока все тут хозяева, всем надо план выполнять прокура ради, и всем на земле эту, как и на все родные земли, наплевать. Ничья земля. Бросили ее, и она перестала быть родной. А эту вот, сымскую-то, безгласную-то, безлюдную-то и вовсе не жалко. Где ее хозяйка? Жили, говорят, тут какие-то бойс, да пропали, видать, спились, заблудились на вилочей дороге социализма, идя ко всеобщему братству и просвещению.

И очень даже было удивительно, просто до слез обидно и властям, и лесозаготовителям, и налетному люду, когда на побережье Сымского бора, на берегу какой-то плевой речушки Иштык встали с ружьями и карабинами какие-то, нерусского обличья людишки и прервали дальнейшее победоносное шествие нашей настальной лесопромышленности, ведущей кривую дорогу, в потайку вознамерившуюся строить мосты, опорные базы, лесопункты.

Живы, оказывается, космогалазники! И, мажю того, стрелять еще не разучились и оборонять себя и свою землю готовы. раз

все дальше и смелей, живем мы весело сегодня, а завтра будет несей. Веселей уж дальше некуда. Особенно весело бывает, когда в Кремле присутствуешь на Съезде депутатов СССР, пуце того весело, когда смотришь по телевизору действо, именуемое Съездом российских парламентариев.

Не научились мы за семьдесят-то лет ни разумно заседать, все за нас мудро думали и решали «тама»; ни по-людски хозяйствовать, хотя признались в этом стыдно и обидно, зато рвачествовать, браконьерить, самих себя обжигивать так мы натерели, что уж могли бы в столице нашей Родины школу передового опыта для всего честного мира открыть.

Но кто же признается, что вот на Сым, в эту ранимую, невинно чистую природу люди вламываются со злыми, корыстными намерениями? Нет, как всегда у нас, только для того, чтобы облагодетельствовать, сделать нас еще счастливей и богаче.

Но народ-то, народ-то уже во все эти словесные блага не верит, он уже не слушался сказочек. И сопротивляется, как может. Уметь-то еще не умеет, организованной борьбе лишь учится, но для сопротивления внутренне созрел, вот и митингует, чаще, правда, «права какает» на кухне, с женой вдвоем и шепотом — на всякий случай, но, как видите, иногда уж и из леса выходит, даже с ружьем.

На Сыме, на всем протяжении реки, а это семьсот с лишним километров, после всех социалистических преобразований, жестокой расправы над старообрядцами и преобразованием жизни малых народов осталось одно лишь поселение — Сымская Фактория.

Живет в поселке 130 человек: кто, эвенки, русские. Про население это на недавнем совещании, проходившем в Сымской Фактории, в присутствии заместителя председателя крайисполкома Абакумова и районного начальства записано в протоколе вот что: «Социально-экономическое положение коренного населения территории Сымского сельсовета находится на низком уровне. Обеспеченность жилищной площадью — 6 квадратных метров на человека, жилье ветхое. Объекты социальной сферы находятся в приспособленных старых помещениях, медицинское обслуживание населения неудовлетворительное, нет в продаже товаров первой необходимости».

Ну, словом, если протокол этот продолжать — выйдет про всю Россию. Везде у нас нынче, как говорится, клин да яма.